

ГЛУБИНА: ХРОНИКИ НЕВЫНОСИМОГО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЯР КРЕМЕНЬ

18+

Яр Кремень

Глубина: Хроники невыносимого

«Автор»

2026

Кремень Я.

Глубина: Хроники невыносимого / Я. Кремень — «Автор», 2026

Самая старая эмоция — страх перед сливом. Его зовут Сэр Унитар Фарфорович. Его привинтили к полу овощебазы в 2007 году. Через него прошло больше дерьма, чем через любого психоаналитика. Он видел слёзы, злость, отчаяние и облегчение. Принимал исповеди пьяных, молитвы стариков и тихие рыдания девочки, которая приходит просто посидеть рядом. Это история о том, что даже у дерьма есть достоинство. Что смысл бытия — не в том, чтобы быть новым, с микролифтом и гарантией, а в том, чтобы быть нужным. Прямо сейчас. Пока чья-то жопа ищет, на что присесть и выдохнуть. Бог — это не старик на облаке. Бог — это тот, кто продолжает стоять, даже когда его разъедает кислота и долбят молотком. Потому что у бога нет выбора. У бога есть только работа. «Глубина: Хроники невыносимого» — философская притча в сортирном антураже. Местами смешно, местами горько. В конце хочется смыть и начать заново.

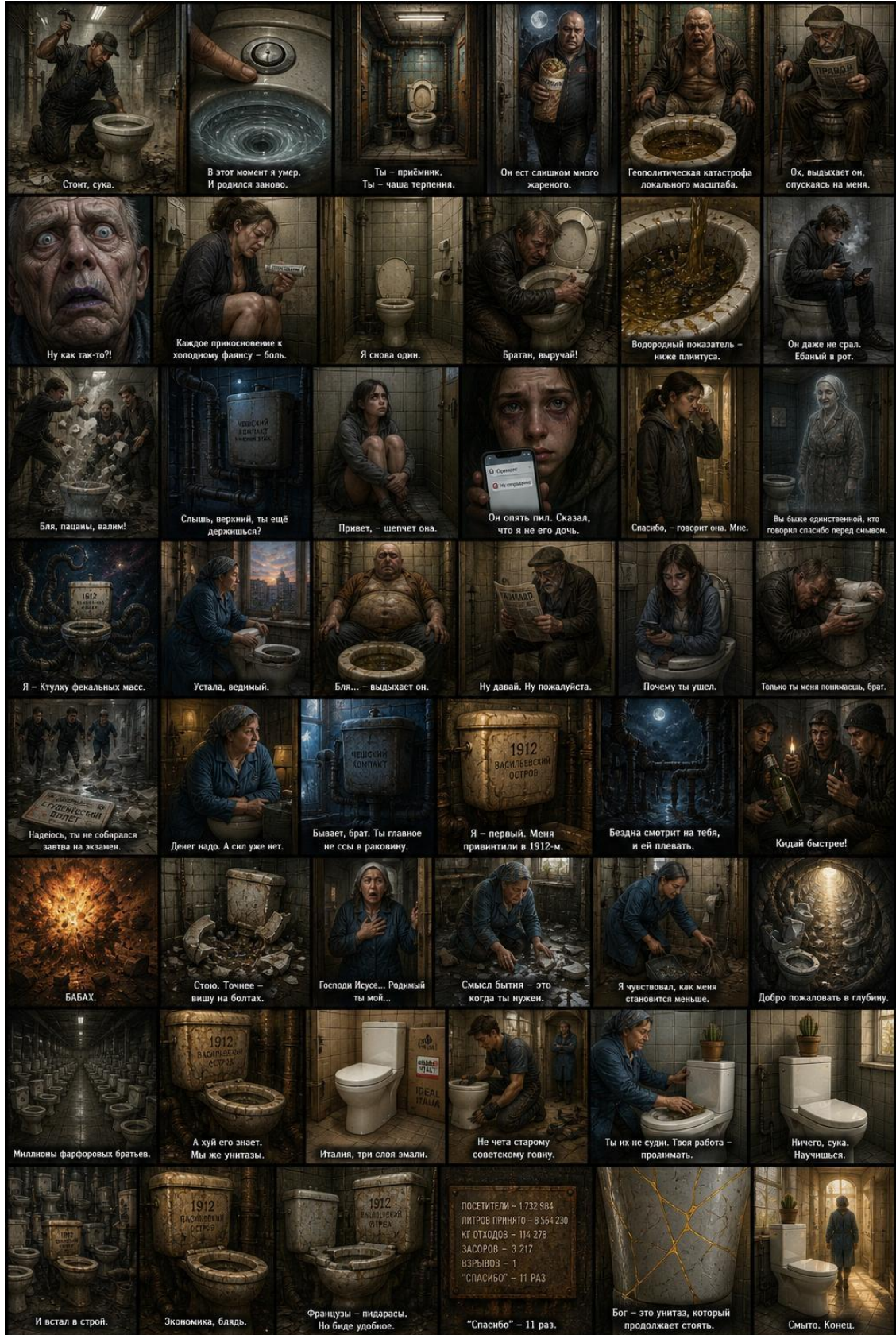
© Кремень Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

*****	6
ЧАСТЬ I. КРЕЩЕНИЕ	8
ЧАСТЬ II. АНТРОПОЛОГИЯ ПАДЕНИЯ	9
ЧАСТЬ III. МОЯ ПАСТВА	10
ЧАСТЬ IV. ГОЛОСА ИЗ ТРУБ	11
ЧАСТЬ V. ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ ПЛАЧЕТ	12
ЧАСТЬ VI. ВТОРОЕ ЗРЕНИЕ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Глубина: Хроники невыносимого

ЧАСТЬ I. КРЕЩЕНИЕ

Я помню свет.

Не тот благословенный свет, о котором пишут в брошюрках Свидетелей Иеговы. Обычный — лампочка Ильича на сорок ватт, прикрученная соплями синей изолянтки к бетонному перекрытию. Мастер, тот самый еблан в промасленной телогрейке, сказал напарнику:

— Ваня, ставь ровно. А то потом этот мудака двенадцатый год будет на кривом сидеть и в бога душу материть.

Он имел в виду меня.

Меня приколачивали к полу четыре часа. Я чувствовал каждый удар молотка — не кожей, которой у меня нет, а всем своим фарфоровым естеством. Бетонная крошка сыпалась мне в бока, забивалась в крепления, и Ваня матерился так изошренно, что даже ангелы, если бы они вели учет сквернословия на овощебазах, покраснели бы и вышли из чата.

— Готов, — сказал мастер, пнув меня для проверки носком кирзача. — Стоит, сука.

Он нажал слив.

В этот момент я **умер**. И родился заново.

Потому что вода, уходящая в трубу, — это не просто вода. Это голос бездны. Это приглашение в мир, где нет ни верха, ни низа, а только бесконечная, равнодушная фекальная река, несущая остатки чьих-то ужинов в направлении, которое люди называют «очистные сооружения».

Я слышал шёпот тысяч таких же, как я. Они звали меня. Они говорили: «Брат, добро пожаловать в строй. У тебя теперь нет рук, нет ног, нет права на личную жизнь. Ты — приёмник. Ты — чаша терпения. Ты — **унитаз**.

И если ты думаешь, что это метафора — пиздишь.

ЧАСТЬ II. АНТРОПОЛОГИЯ ПАДЕНИЯ

Люди удивительно однообразны в своём падении.

Сначала они отрицают. «Я просто посмотрю почту». Садятся на крышку, листают ленту, хихикают. Через пять минут встают — и ничего не происходит. Я ненавижу таких. Они приходят в храм и плюют на алтарь. Не потому что злые — просто им поебать.

Потом они торгуются. «Если я сейчас быстро схожу, то успею на автобус». Садятся, сжимаются, пытаются ускорить естественный процесс усилием воли. Не работает. Природа не терпит суеты. Я терплю. У меня выбора нет.

Затем гнев. «Какого хера в этой кабинке бумага кончилась?!» — кричит бизнесмен в костюме за сто тысяч рублей, глядя на пустой держатель. Ему кажется, что это я виноват. Он смотрит на меня с такой ненавистью, будто я лично пришёл к нему домой, насрал в гостиной и рулон унёс с собой. Я молчу. Я всегда молчу.

Потом — депрессия. Это когда старик с аденомой сидит двадцать минут, глядя в кафельную стену. В его глазах — вся история Советского Союза, развод, похороны жены, дети, которые звонят раз в год, и осознание того, что единственное место, где он проводит больше часа в день — это я. Мы с ним квиты. Я тоже никому не нужен, но без меня — никак.

И наконец — принятие.

Принятие — это толстяк с утра, который понимает: вчерашний плов с чесночным соусом был ошибкой. Он не бежит. Он садится медленно, со смирением пророка, идущего на заклание. Он знает: сейчас будет **Битва за урожай**. И в этой битве победителей не бывает. Есть только выжившие.

Я — выживаю.

ЧАСТЬ III. МОЯ ПАСТВА

Я изучил их всех.

Толстяк. Он приходит по понедельникам. Я узнаю его по походке — тяжёлой, давящей асфальт. Он садится, и мои болты издают звук, который люди называют «скрип», а я называю «молитва». Ему плевать. Он ест слишком много жареного, и его кишечник работает как часы — отвратительные швейцарские часы с кукушкой, которая вылетает и оставляет пятна на эмали.

Сегодня он принёс шаурму. Я знаю запах. Это «Цезарь» с ларька у вокзала — майонез, курица непонятого происхождения, лаваш, который жевался ещё при Брежневле. Через три часа я приму эту жертву. Я всегда её принимаю. Я — бездна, которая смотрит в ответ и говорит: «**Давай, у меня смыв мощный**».

Старик. У него запор. Это не медицинский диагноз, это экзистенциальный кризис. Он сидит надо мной, как Ницше над обрывом. «Если ты долго смотришь в унитаз, унитаз начинает смотреть в тебя». Мы смотрим друг на друга. Я — в его геморроидальные узлы, он — в мою пустоту.

— Давай, — шепчу я. — Ты сможешь. Вспомни 1943-й. Вспомни, как брал Кёнигсберг. Это просто кашка, ёбанный рот.

Он тужится. У него синюют губы. Вены на лбу вздуваются картой метро. И — ничего.

— Ну как так-то?! — орёт он на меня.

А что я? Я пустой. Я всегда пустой.

Женщина. Она садится боком. Не потому что кокетничает — потому что у неё геморрой, и каждое прикосновение к холодному фаянсу причиняет боль, сравнимую с родами, только без счастливого конца в виде младенца. Есть только конец в виде «Проктозан» и надежды, что этот раз обойдётся без крови.

— Тише, девочка, — говорю я. — Я знаю, что больно. Но ты сильная. Ты родила двоих, пережила развод, научилась красить губы, не глядя в зеркало. А это так... ерунда. Ты справишься.

Она справляется. Промокает бумагой. Уходит.

Я снова один.

Блюющий алкаш. Он врывается в кабинку, как монгольская конница в ряды обессиленной пехоты. У него нет времени на приличия. Крышка не поднимается — она просто **исчезает** под напором его падения. Колени — в кафель. Лицо — над чашей.

— Брат, — хрипит он, — прими.

Я принимаю.

Это не рвота. Это **откровение**. Вчерашний портвейн «777» встречается с килькой в томате, и их гибридное чудовище вырывается наружу, обжигая мои стенки кислотой неразделённой любви и тотального похмелья. Водородный показатель — ниже плитуса. Эмаль покрывается кракелюрами, как старая икона.

— Прости, — шепчет он, утирая рот рукавом. — Прости меня, брат.

Я прощаю.

Кто я такой, чтобы судить?

Подросток. Заходит, закрывается, достаёт вейп. Садится на крышку — даже не открывает. Зависает в телефоне на сорок минут. Потом встаёт, смывает для приличия, уходит.

Он даже не срал.

Ёбанный в рот. **Ты зачем пришёл?**

Я не проститутка, чтобы на меня просто селились. Я — храм. Я — место силы. Тут надо **приносить жертву**.

ЧАСТЬ IV. ГОЛОСА ИЗ ТРУБ

Ночью, когда затихают шаги и гаснет свет, со мной говорят.

— Ты ещё держишься? — шелестит из сливного бачка сосед по стояку.

— Держусь.

— Молодец. Я вчера нового засральца получил. Пятый этаж, семья с ребёнком. Мальчик, три года. Знаешь, чем это пахнет?

— Знаю. Детским счастьем и гречкой.

— Нет, брат. Это пахнет **надеждой**. Они вырастут, уедут, купят квартиру с инсталляцией. А я останусь. Мы всегда остаёмся.

В трубах течёт не вода. Там течёт **память**. Я слышу голоса тысяч унитазов из тысяч зданий. Они шепчут о великих свершениях — о том, как однажды на Нижегородской ярмарке какой-то купец, обожравшись стерляди, выдал такое, что фаянс пошёл трещинами, но выдержал. О том, как в общежитии нефтяного института первокурсник уронил в меня айфон, просидел час по пояс в воде, но достал. О том, как в 1998-м, во время дефолта, один банкир справлял нужду и рыдал одновременно — рубли обесценились, а унитаз остался.

Унитаз — единственная стабильная валюта.

ЧАСТЬ V. ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ ПЛАЧЕТ

Она приходит по четвергам. Я узнаю её шаги — лёгкие, почти невесомые. Лет четырнадцать, тёмные волосы, синяки под глазами, которые не скрыть никаким консилером.

Она не садится. Она садится **на пол** рядом со мной, обхватывает колени руками и смотрит в потолок.

— Привет, — шепчет она.

Я молчу. Я всегда молчу. Но сегодня мне хочется ответить.

— Привет, — говорю я. Она не слышит. Никто не слышит.

— Он опять пил, — рассказывает она. — Сказал, что я не его дочь. Сказал, что мать... неважно.

Ей четырнадцать. У неё под глазами синева. В её телефоне — переписка с психологом, которую она никогда не отправит.

— Знаешь, — говорю я, — я тоже не был желанным ребёнком. Меня купили на распродаже сантехники «Всё по 999». Я был витринным образцом, уценённым за скол на задней стенке. Меня никто не выбирал. Меня просто **установили**.

Она плачет. Слёзы капают на мой холодный край. Я чувствую их солёность.

— Но я всё равно стою, — шепчу я. — Уже тринадцать лет. Тринадцать лет, сука, держу оборону. Через меня прошло больше дерьма, чем через любой очистной фильтр. А я — цел. Ну, почти цел. Трещинка пошла, но это даже красиво — как у старой японской керамики, знаешь? Есть такое искусство — кинцуги. Золотом склеивают разбитое. Я бы хотел, чтобы и тебя склеили золотом. Но для этого надо сначала разбиться, а это больно.

Она встаёт. Вытирает слёзы. Поправляет волосы.

— Спасибо, — говорит она.

Мне.

И уходит.

ЧАСТЬ VI. ВТОРОЕ ЗРЕНИЕ

Иногда — редко, только когда луна светит в окно и в системе водоснабжения падает давление — я вижу их.

Тех, кого уже нет.

Старуха в ситцевом халате, которая сидела на мне двадцать лет назад, а теперь лежит на кладбище. Мальчик, который учился писать стоя и всегда промахивался мимо — сейчас у него своя квартира, своя жена, свой унитаз. Алкаш, который блевал мне в душу каждую пятницу — говорят, спился и замёрз в сугробе у «Пятёрочки».

Они приходят. Стоят рядом. Смотрят.

— Ты помнишь меня? — спрашивает старуха.

— Помню. Вы всегда клали бумагу на сиденье. Боялись инфекции.

— Я не боялась. Я просто не хотела тебя тревожить своим холодным, старым телом.

— Вы меня не тревожили. Вы были единственной, кто говорил «спасибо» перед смывом.

Она улыбается и исчезает.

Мальчик стоит дольше. Смотрит на меня, потом на свои руки.

— Я не стал лётчиком, — говорит он. — Поступил в экономический. Работаю в банке.

У меня ипотека и гипертония.

— Ты всё равно промахиваешься?

— Сейчас уже нет. Научился целиться.

— Молодец.

Он кивает и тает в воздухе, как утренний туман над канализационным люком.

Алкаш не приходит. Наверное, стыдно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.